

«ПЕРЕСТРОЙКА» В СССР И ЗАРУБЕЖНАЯ СОВЕТОЛОГИЯ

Молибошко В.А., Ищенко Т.В.

*УО «Витебский государственный ордена Дружбы народов
медицинский университет»*

Многие ученые, политики сейчас все активнее задумываются над причинами геополитической катастрофы конца 80-х – начала 90-х гг. прошлого столетия, которая привела не только к гибели СССР – второй мировой державы, но и к радикальному изменению всей мировой ситуации. К сожалению, к ухудшению – к резкому возрастанию напряженности, конфликтов, терроризма, войн и других катаклизмов. По образному определению известного философа и писателя Александра Зиновьева, начавшаяся в середине 80-х гг. «перестройка» советского общества превратилась в «катастрофу».

На наш взгляд, произошло это далеко не случайно. В том, что главный лозунг перестройки «больше демократии, больше социализма» в конечном итоге был реализован с точностью наоборот, немалую роль сыграла зарубежная советология. В значительной степени именно она подготовила развал идейно-теоретических основ советского общества. Их эрозия, разрушение политических принципов руководства в конце концов привели к обрушению всей общественной конструкции и к гибели единой, могучей страны, которая превратилась в аморфный набор разрозненных осколков.

Как известно, большинство работ о советском обществе буржуазными учеными создавалось в рамках так называемой советологии. Возникнув фактически сразу после Октябрьской (1917г.) революции, советология получила особенно большое развитие после второй мировой войны. Благоприятной почвой для ее пышного расцвета стала «холодная война», обстановка антикоммунистической, антисоветской истерии, которая надолго установилась в США и в других капиталистических странах в послевоенное время. «Холодная война, - писал хорошо известный советолог, профессор Пенсильванского университета Стивен Козн, - вторглась в академическую советологию политически и интеллектуально». В результате «изучение СССР превратилось в крайне политизированное занятие, пронизанное конъюнктурными политическими задачами, духом крестового похода», «антикоммунизм и особенно антисоветизм сформировали политико-идеологическую основу советологии» (Cohen S. Scholarly Missions: Sovietology as a Vocation. – In: Rethinking the Soviet Experience. – New York, 1984, p. 9-10,11,13,35-36).

Начавшаяся в СССР по инициативе КПСС перестройка на первых порах вызвала некоторое замешательство в рядах советологов. Ведь она не укладывалась в русло обычной для большинства из них концепции о консервативности КПСС, советской политики. Первые советологические комментарии изменений в СССР не шли дальше утверждений о «косметическом ремонте» советской системы. Типичный пример – книга одного из видных американских советологов, директора Института по проблемам международных изменений при Колумбийском университете (бывший Институт по проблемам коммунизма, долгие годы во главе которого стоял неизвестный в академических и политических кругах США Збигнев Бжезинский) профессора Северина Бялера «Советский парадокс. Внешняя экспансия, внутренний упадок», вышедшая в 1986 году (См.: Bialer S. The Soviet Paradox. External Expansion, Internal Decline. – New York, 1986).

Развитие событий в СССР, однако, вскоре резко оживило интерес советологов к перестройке. С 1987 г. в США при Международном институте по изучению проблем безопасности Востока и Запада была создана специальная группа из 38 крупнейших представителей политико-академического комплекса, в состав которой вошли и видные советологи, в том числе и упомянутый выше С.Бялер. Перед группой была поставлена задача углубленного изучения «нового мышления в СССР» и его политических последствий. Уже в первом подготовленном группой аналитическом докладе «Как Америке следует ответить на вызов Горбачева?» преобладали хвалебные оценки перестройки, содержались настойчивые призывы к «широкому диалогу» и т.д. (см.: How Should America Respond to Gorbachev's Challenge? A Report of the Task Force on Soviet New Thinking. – New York, 1987). В кругах зарубежных советологов достаточно быстро сообразили, что авторы так называемого «нового мышления» в СССР свои «идеи» позаимствовали в основном из старых советологических трактатов о К. Марксе, В.И. Ленине, о КПСС, советской политической системе. Весьма показательной в этом плане стала обширная статья американского советолога из Колумбийского университета Томаса Шерлока «Политика и история при Горбачеве», опубликованная в неизвестном журнале «Проблемы коммунизма», издающемся Госдепартаментом США (см.: Sherlock Th. Politics and History under Gorbachev // Problems of Communism, Vol XXXVII, 1988, № 3-4, p. 16-42). «Использование советской истории как орудия реформ, – подчеркивал Шерлок, – стало применяться более двух лет назад как существенный элемент

политической стратегии Михаила Горбачева». Автор с особым вниманием и симпатией писал о появившихся за это время работах советских ученых, публицистов на исторические темы, где содержится «критика Ленина и большевистской идеологии», политики КПСС, выражал надежду, что широта и глубина такой критики будут увеличиваться, что постепенно приведет к эрозии социалистических принципов.

Сами советологи, можно сказать, активно показали пример такой критики. Начиная примерно с 1988 года, хлынул буквально «девятый вал» их литературы по всем аспектам истории СССР. Особое место в ней заняли работы, посвященные непосредственно перестройке, и в первую очередь, социально-экономической политике КПСС. В целом зарубежные авторы как панацею отстаивали идеи о необходимости устранения какого бы то ни было партийного, государственного влияния на экономику, возвращения к частной собственности на средства производства, перехода к чисто рыночным методам ее регулирования. Если снять различного рода оговорки, то практически все они единственный путь «спасения» советской экономики усматривали в переводе ее на капиталистический путь развития. Лишь некоторые из них хотя бы вскользь говорили о возможных пагубных последствиях советологических рецептов. В частности большей взвешенностью оценок и предложений отличались работы известных специалистов по СССР Маршалла Голдмана «Вызов Горбачева: экономическая реформа в век высоких технологий» и Джерри Хафа «Раскрытие советской экономики» (см.: Goldman M. Gorbachev's Challenge: Economic Reform in the Age of High Technology. – New York – London, 1987; Hough J. Opening up the Soviet Economy. – Washington, 1988). В советологии всегда большое место занимал личностный фактор советской политики. Особый интерес у советологов вызвала личность М.С. Горбачева. В конце 80-х гг. появилось несколько десятков книг, в которых была предпринята попытка дать его политический портрет. Не без основания советологи уже тогда почувствовали, какую зловещую роль сыграет он в судьбе СССР. И вообще «перестройка» в СССР значительно стимулировала похоронные, апокалипсические мотивы в советологии. «Провал», «крах», «коллапс», «смерть», «агония» и другие подобные термины-ярлыки стали обычными, расхожими в их характеристиках теории и практики марксизма-ленинизма, КПСС, советского государства. Квинтэссенцией таких оценок и предсказаний стала нашумевшая книга о коммунизме Збигнева Бжезинского «Большой провал: рождение и смерть коммунизма в двадцатом ве-

ке» (см.: Brzezinski Z. The Grand Failure: the Birth and Death of Communism in the Twentieth Century. – New York, 1989). Следует особо отметить, что «идеи» зарубежных советологов нашли достаточно многих сторонников в СССР. К концу 80-х гг. резко, и в количественном и в качественном отношениях, была ослаблена критика советологических работ в научной и пропагандистской печати. Под предлогом «диалога» на страницах научных и даже партийных изданий стали публиковаться работы советологов, в том числе нередко и крайне реакционных (см., например журнал «Коммунист», 1989, № 1, 7; 1990, № 9, 10, 17). Спешно «перестроившись» целый ряд советских ученых стали буквально лебезить перед советологами, объявлять их работы чуть ли не верхом объективности и научности. Своих же коллег-соотечественников, работавших в области критики советологии, стали называть «щиниками», «глупцами», «разоблачителями» и т.д. (см., например, статью доктора философских наук Л. Ионина «Племя советологов», 1989, «Новое время», № 34).

«Нам вообще надо ценить довольно малочисленное племя советологов, выжившее в невообразимо трудных условиях, когда у себя дома оно встречало равнодушие и непонимание по причине полного отсутствия интереса к нашей стране», - писал Л. Ионин. Трудно сказать, чего в этом перле больше – невежества или сознательного обмана читателя. Ведь в США, например только дипломированных советологов насчитывалось около 10 тысяч, действовало более 150 научных советологических центров и институтов. Разветвленная советологическая сеть существует в Англии, ФРГ, Франции, Канаде и даже в далекой Японии и Австралии. Так что Л. Ионин мог спать спокойно – вымирание советологам никак не грозило и не грозит. Советологическая литература исчисляется многими тысячами книг, выходит целый ряд советологических периодических изданий, в том числе и упомянутый госдеповский «Problems of Communism». Отнюдь не обделены советологи в смысле финансирования и должностей. Очень многие из них приглашались и приглашаются в качестве консультантов, советников в самые различные государственные органы, вплоть до армейских штабов, в советы корпораций, фондов и т.д. и т.п. А такие известные советологи как З. Бжезинский, Р. Пайпс ходили в должности помощников американских президентов. Кстати, и многие современные политические деятели, вроде Мадлен Олбрайт, Кандолизы Райс выпестованы на ниве советологии.

Представляется важным отметить и то обстоятельство, что нынешняя жесткая политическая линия США в отношении Респуб-

лики Беларусь в значительной мере формулируется и формируется советологами. Именно они обеспечивают идейно-теоретическую сторону и так называемых цветных революций на постсоветском пространстве.

Рамки доклада не позволяют более детально остановиться на всех аспектах идеологической борьбы и месте в ней «советологии» в период «перестройки». Однако даже беглый анализ этой борьбы несомненно свидетельствует о жизненно важной роли идеологической компоненты деятельности государства. В условиях, когда наше общество настойчиво ищет идейно-теоретические составляющие своего функционирования, известный тезис о том, что нет ничего более практичного, чем хорошая теория, приобретает особое значение.